

13.4.96.

Культура. - 1996. - 13 апр. - с. 13.

Нижинский по-французски

Татьяна ПРОСКУРНИКОВА

В тексте, который произносит французский актер Реджеп Митровица в спектакле "Дневник Вацлава Нижинского" ("Компани Шан-Либр"), многое звучит впервые. Лишь в начале 90-х дочери великого танцовщика, Кира и Тамара Нижинские, доверили Галине Погожевой расшифровку рукописи отца, в которой при первом, еще прижизненном ее издании на английском языке в 1936 году их мать Рамола сделала значительные купюры. Кристиан Дюмэ-Львовский, один из инициаторов осуществления сценической версии "Дневника", вместе с Погожевой перевели его на французский и издали в 1995-м. Поразительный документ с предельной обнаженностью зафиксировал стремление Художника, лишившегося привычного для него способа выражения — танца, доверить слову свои муки, чтобы пробиться к людям.

Буквально одержимый идеей донести до людей это послание великого танцовщика, Реджеп Митровица избрал форму моноспектакля, полагаясь в основном на свои собственные силы. Известный актер, сыгравший в театре множество ролей, он всегда работал с близкими ему по духу режиссерами: своими учителями Антуаном Витезом и Даниэлем Месгисшем, с Жоржем Лаводаном, участвуя в больших, многоплановых и многолюдных постановках Шекспира, Мюссе, Софокла или Брехта. Предельная статичность спектакля "Дневник Вацлава Нижинского", выстроенного им вместе

с выступившей в роли режиссера актрисой Изабель Нанти, подчеркивает нежелание хоть в какой-то мере облегчить зрителю восприятие того, что предстоит ему пережить вместе с актером. При этом они меньше всего идут от символики предложенной мизансцены, которая воспринимается как образное выражение постигшей Нижинского участи: весь спектакль Митровица сидит за столом, и ничто в его пластике не напоминает, что перед нами танцовщик. Главное для создателей спектакля в этой добровольной неподвижности героя составляет попытка в точном соответствии с реальностью воссоздать психофизическое состояние человека, который на протяжении шести недель, не отрываясь, писал на пороге безумия и многолетней изоляции от мира.

Митровица использует поразительную гамму выразительных средств, в которой модуляции голоса, то kloкочущего, то срывающегося на крик, то нарочито спокойного, составляют завораживающую звуковую партитуру. Его мимика оказывается способной приковать к себе внимание зрителей так, как если бы перед ними прошла целая вереница персонажей: истерик, глупец, тонкий психолог, злой и капризный геней, беспомощный ребенок. Но заявленное с первых же секунд представления очень точно и ярко состояние героя — безумие — не только объединяет (и объясняет) все эти эскапады человеческой психики, но концентрирует на себе все зрительское внимание. Скупость "подпорок", которые использует актер (сдержанная световая

партитура иногда напрямую иллюстрирует состояние героя, свет становится ярче, когда в его мыслях наступают мгновения просветления; музыкальные аккорды и обрывки мелодий словно "отбивают" одно состояние от другого), подчеркивает и оттеняет страстность его игры, в которой он не щадит ни себя, ни зрителей, делая их свидетелями распада личности.

Вряд ли стоит лукавить и делать вид, что при встрече со спектаклем "Дневник Вацлава Нижинского" можно не вспомнить "N — Нижинский", одну из самых, на мой взгляд, блистательных работ в нашем театре 90-х годов. Поразительная целостность художественного замысла, в воплощении которого изумительная игра Меньшикова и Феклистова, сценография и костюмы Каплевича, и текст Бурыкина составляли органичное целое. Конкретные человек и эпоха в художественном их отражении и преломлении представляли в этом спектакле с невероятной эмоциональной заразительностью. Обладающий бесспорным портретным сходством с одной из фотографий Нижинского, герой Митровицы фиксирует последнюю стадию, ставит точку (или, скорее, восклицательный знак) в той линии судьбы, которая была вычерчена в московском спектакле. Его герой — это герой Меньшикова уже после того, как он выпрыгнул из окна.

И, может быть, самым ценным для публики в русском и французском вариантах сценической версии судьбы великого танцовщика оказались безоглядность и бесстрашие Его Величества Актера.

Нижинский Вацлав